

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪ С Т Н Ш К Ъ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 29.

26 ЮЛЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Приимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щелкина и Свѣшニコва.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями. Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Къ № 29-му прилагаются: «Le retour au chalet» для фортепiano въ 2 руки, соч. Гюптепа, и седьмая книжка «Драматическаго Сборника».

Содержаніе: Путевыя замѣтки (М. Раппапорта).— Вѣсти отъ всюду. — Критическія замѣтки. — Воспоминанія музыканта Адольфа Адама (продолженіе).

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

II.

Въ Парижъ мы приѣхали въ 10 часовъ вечера, въ воскресный день. Несмотря на довольно сильный дождикъ, народъ толпился по улицамъ, и съ самаго начала поразилъ меня этотъ необыкновенный шумъ, который составляетъ характеристику парижской жизни. Назначеніе моихъ замѣтокъ специальное и потому не стану говорить здѣсь о парижскихъ нравахъ и особенностяхъ великолѣпной столицы Франціи, но позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, которое можетъ быть послужить предостереженіемъ для тѣхъ изъ добрыхъ моихъ читателей, которые намѣрены въ первый разъ посѣтить Парижъ. Желая жить поближе къ Италіянскому бульвару (Boulevard des Italiens), я приказалъ везти себя въ Rue de Choiseul. Мой кучеръ (cocher) остановился у невзрачной гостиницы. Дюжая Французенка, встрѣтивъ насъ, проводила прехладнокровно въ 4-й этажъ при постоянныхъ увѣреніяхъ, что это вовсе невысоко. Нечего дѣлать, думалъ я про-себя, за-то вѣроятно дешево, а въ вояжѣ экономія ни-

№ 29.

когда не мѣшаетъ.—Представьте же себѣ мое удивленіе, когда за двѣ крошечныя комнатки она спросила 15 франковъ (около 4 р. с.) въ сутки. Я поморщился, но было поздно и я рѣшился остаться. Хитрая хозяйка замѣтила, что я остался по необходимости, но конечно на другой день выѣду, и съ лукавою улыбкою объявляетъ мнѣ, что квартиру отдастъ только на недѣлю. Если такъ, то прощайте, сказалъ я, и приказалъ везти себя въ гостиницу Лувръ, которая по мнѣнію большинства недоступна по своей дороговизнѣ. Если платить дорого, то по-крайней-мѣрѣ поживу въ Луврѣ, утѣшалъ я себя во время моего переѣзда. Наконецъ мы остановились у громадной гостиницы и я пораженъ былъ великолѣпнѣмъ зданіемъ, главнаго входа, лѣстницъ. Въ самомъ зданіи много роскошныхъ магазиновъ и вы, не выѣзжая изъ дому, можете одѣться съ головы до ногъ и вообще приобрѣсти все, что вамъ ни вздумается. Какое же было мое удивленіе, когда за прекрасный, комфортабельный №-ръ съ меня спросили 4 франка въ сутки (есть даже №-ра за три франка). Для богачей есть великолѣпные №-ра отъ 10 до 40 фр., однимъ словомъ каждый по состоянію можетъ помѣститься здѣсь какъ угодно. Прислуга проворна и вѣжлива; чай, кофе подаютъ со всевозможнымъ комфортомъ и вообще за все плата умеренная; я прожилъ здѣсь 10 дней и мнѣ подали счетъ самый добросовѣстный. Совѣтую вамъ, приѣхавши въ Парижъ, приказать везти себя прямо въ Лувръ. Гостиница помѣщается на одной изъ главнѣйшихъ улицъ, Rivoli, близъ Лувра и Тюльри и близко отъ Пале-Рояля. Загѣмъ приступаю къ дѣлу.

На другой день послѣ моего приѣзда, я видѣлъ нѣсколько артистовъ, ангажированныхъ къ намъ на предстоящій сезонъ е. п-мъ А. И. Сабуровымъ, директоромъ Императорскихъ театровъ. А. И. Сабуровъ перебивалъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ и въ самое короткое время, благодаря его неутомимой дѣятельности, италіянская труппа наша была укомплектована; она составлена теперь изъ лучшихъ артистовъ, какію

только находятъ теперь въ Европѣ. На драматическія роли (амплуа Гризи) ангажирована г-жа Лагруа, артистка, какъ говорятъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Она пользуется большою извѣстностью и въ послѣднее время пѣла, въ теченіи 4 лѣтъ, съ громаднымъ успѣхомъ въ Рио-Жанейро. Мнѣ не удалось слышать ее, но пока могу сказать вамъ, что паружность ея видная и приятная. Одна изъ лучшихъ ея ролей «Норма» и поэтому г-жа Лагруа будетъ дебютировать у насъ въ этой оперѣ. Въ артистическомъ мірѣ поговариваютъ объ ней съ особеннымъ уваженіемъ и слѣдовательно можно ожидать, что пріобрѣтеніе этой артистки для нашей сцены составляетъ *une bonne fortune* для нашихъ меломановъ. Эмма Лагруа родилась въ Палермо въ 1836 г. (теперь ей 27 лѣтъ), воспитывалась въ Дрезденѣ и музыкальное образованіе получила отъ извѣстнаго профессора Унгера-Сабатіе. Въ 1850 г. она дебютировала съ большимъ успѣхомъ въ Дрезденѣ же и затѣмъ была ангажирована въ парижскую Большую Оперу, гдѣ создала главныя роли въ «*Juif errant*» (Вѣчный жидъ) Галеви и «*la Fronde*» (Фронда) Нидермейера. Поочередно она пѣла въ Вѣнѣ, Туринѣ и, какъ я сказалъ уже, въ Рио. Журналы говорятъ тоже объ ней восторженно, но я подожду лучше дебюта и не стану больше распространяться объ этой артисткѣ;—услышимъ, увидимъ. Намѣсто любимицы нашей, бѣдной Бозіо, ангажирована г-жа Шартонъ-Демеръ, о прекрасной методѣ которой тоже поговариваютъ много хорошаго. Говорятъ, что она вокализуетъ съ большимъ изяществомъ и голосъ у нея симпатичный. На партіи контръ-альто ангажирована любимица парижской и лондонской публики, г-жа Пантье-Дидье. Парижскіе меломаны отзываются съ большими похвалами объ ея методѣ и симпатичномъ голосѣ; я видалъ ее въ Лондонѣ, но тоже не слышалъ и пока могъ только полюбоваться увлекательною наружностью пѣвицы. Судя по слышаннымъ мною одногласнымъ отзывамъ объ ней, мнѣ кажется, что г-жа Дидье будетъ имѣть у насъ большой успѣхъ. На амплуа *комприаріа* ангажирована г-жа Брамбила (превосходная Адалгисса). Кромѣ того остаются: красавица Бернарди и г-жа Еверарди; Тамберликъ, Кальцолари, Монжини, Дебассини, Еверарди, Марини возвращаются тоже къ намъ. Ангажированъ еще старый нашъ знакомецъ *буффо* Росси; поговариваютъ еще о новомъ баритонѣ; какъ видите, будущій составъ нашей оперы полонъ и богатъ. Я слышалъ, что между прочимъ будетъ поставлена новая опера Мейербера «*le Pardon du Ploermel*» съ измѣненіями, сдѣланными для нашей сцены самимъ композиторомъ; кромѣ того предполагаются двѣ оперы Пачини: «*Arabi nello Galia*» и «*la Fidanza di Corsica*», «Ченерентола» и др. По балетной части къ намъ ѣдетъ знаменитая танцовщица Розатти. Розатти и Феррарисъ двѣ современныя хореграфическія звѣзды; съ одной мы познакомились уже, конечно весьма интересно будетъ знакомство и съ другой. Талантъ г-жи Розатти совершенно индивидуальный; она, говорятъ, довела мишику до возможной степени совершенства и сама—воплощенная грація. Паружность ея тоже говоритъ въ ея пользу; пріѣздъ ея къ намъ интересная новость. Я слышалъ, что она будетъ дебютировать въ началѣ сентября въ новомъ для насъ балетѣ «Жовита». Андрей Ивановичъ, какъ я слышалъ, ангажировалъ еще нѣсколько артистовъ для французской и нѣмецкой сценъ, позаботился тоже объ улучшеніи состава московской Оперы, но всѣ эти слухи я не считаю еще себя въ правѣ передать гласности. Дѣло въ томъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ предстоящій сезонъ будетъ блистателенъ. Въ Парижѣ я посѣтилъ только театръ

Большой Оперы и de la Gaîté, потому что въ другихъ театрахъ давались пьесы старыя, давно мнѣ знакомыя, и такъ какъ большая часть первостепенныхъ артистовъ въ отпуску, главныя роли исполнялись *подставными* (*doubleurs*).

Украшеніе Комической Оперы, г-жа Міолапъ-Карвалло отправилась въ Лондонъ для исполненія главной роли въ «*Pardon*», которая ставится тамъ подъ руководствомъ самаго Мейербера. О г-жѣ Міолапъ, т. е. объ ея неподражаемой методѣ, рассказываютъ чудеса и я крайне сожалѣлъ, что не могъ ее слышать. Г-жа Кабель (другая звѣзда Комической Оперы) тоже уѣхала, и мнѣ осталось только насладиться Большою Оперою. На очереди стояла новая опера Фелисіена Давида «*Геркуланумъ*» и я посѣтилъ въ театрѣ, чтобъ познакомиться съ произведеніемъ, о которомъ столько кричали парижскіе журналисты. Съ первыхъ сценъ я разочаровался и убѣдился, что пословица наша: *ne esklomu sluxu vprь*, совершенно справедлива. Давидъ мастерски владѣетъ инструментами и какъ инструментальный композиторъ пользуется справедливою извѣстностью, но для оперы у него недостаетъ бездѣлушки, а именно: вдохновенія и мелодіи. Все тутъ монотонно, безцвѣтно; либретто гг. Мери и Гадо отличается цѣлостіями, и однимъ словомъ—если опера держится, то исключительно только благодаря великолѣпной постановкѣ, прекрасному исполненію первостепенными артистами и, главное, почтенному обществу клакеровъ, постоянно исполняющихъ свое дѣло на славу. Постановка оперы дѣйствительно въ высшей степени тщательная и могу увѣрить васъ, что декоративная часть доведена здѣсь до совершенства. Есть въ оперѣ и дивертисментъ, но принявшій въ немъ участіе корифейки, въ главѣ которыхъ, по болязни г-жи Лври, была г-жа Кеніо (*Quéniaux*), могутъ только сравниться съ нашими второстепенными танцовщицами. Изъ танцовщиковъ мнѣ весьма понравился *Меранте*. Но, впрочемъ, я ничего еще не сказалъ объ исполнителяхъ оперы; я оставилъ ихъ *pour la bonne bouche*. Главныя женскія роли исполняются г-жами Борги-Мамо и Лотерсъ, гг. Роже и Обепомъ. Ансамбль удивительный, несмотря на то, что Роже поетъ въ настоящее время однимъ только остатками своего нѣкогда могучаго голоса. Г-жа Борги-Мамо въ высокой степени замѣчательная артистка. Это безъ сомнѣнія одинъ изъ прекраснѣйшихъ *mezzo-soprano* въ мірѣ. Сила, звучность и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичность голоса соединена у нея въ равной степени, притомъ голосъ гибокъ и метода изящная; жаль только, что въ пѣніи г-жи Борги ощущается недостатокъ воодушевленія; мѣстами она казалась намъ холодной. Несмотря на то, дивный голосъ пѣвицы производитъ на слушателя сильное впечатлѣніе. Ея обширный діапазонъ позволяетъ ей разнообразить свой репертуаръ. Такъ—она исполняетъ контральтовыя партіи въ «*Триваторе*», «*Лукреціи*» и т. п. и главныя роли въ «*Фавориткѣ*», «*Пророкѣ*», Церлины (въ «*Донъ-Жуанѣ*»). Россини дотога очарованъ голосомъ г-жи Борги, что самъ предложилъ ангажировать для нея партію Дездемоны въ «*Отелло*». Г-жа Лаутерсъ тоже замѣчательное сопрано; голосъ ея не такъ силенъ, но въ немъ больше задушевности. Обея одинъ изъ лучшихъ современныхъ басовъ. Роже поетъ остатками, но все еще напоминаетъ великаго тенора; недостатокъ голоса онъ пополняетъ теперь игрою. Затѣмъ слышалъ я «*Фаворитку*» и тутъ г-жа Борги-Мамо привела меня въ рѣшительный восторгъ. Роль Фернандо исполнилъ г. Гемаръ (*Gueymard*); у него прекрасный, сильный теноръ, но немного тяжеловатъ, метода безукоризненная, пріе-

мами своимъ онъ напоминаетъ Жеремею Беттини (старшаго); во всякомъ случаѣ Гемаръ можетъ быть причисленъ къ лучшимъ современнымъ тенорамъ. Очень хорошъ тоже баритонъ Бельваль. Опера богата замѣчательными голосами и перво-степенными артистами, хотя вообще въ исполненіи нельзя не замѣтить афектаціи въ игрѣ и пѣніи. Драматическія ситуаціи выходятъ часто утрированными. Здѣсь неизбежная принадлежность каждой оперы дивертисментъ, который весьма интересенъ въ «Фавориткѣ»; но прежде я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ объ *Эмиль Ливри*, надѣлавшей въ послѣднее время, какъ вамъ извѣстно, много шума. Я ожидалъ появленія ея съ большимъ нетерпѣніемъ и, прочитавъ на афишѣ, что она танцуетъ въ дивертисментѣ «Геркуланума», рѣшился прослушать эту скучную оперу во второй разъ; наконецъ Ливри на сценѣ, громъ рукоплесканій встрѣчаетъ ее, и что же? право боюсь, чтобы вы не осудили меня въ пристрастїи къ нашему балету, но думайте что угодно, а я не могу сказать иначе, какъ сущую правду. Эта звѣзда, это чудо, эта новая Эльслеръ, просто — посредственность; всѣ движенія ея неестественны, афектированы, техника самая обыкновенная, однимъ словомъ слабая изъ нашихъ корифеекъ не побоялась бы стать на-ряду съ этой искусственной знаменитостію; конечно, не говорю о нашихъ очаровательныхъ: Прихуповой, Муравьевой и Петина, на-ряду съ которыми плохо бы пришлось г-жѣ Ливри;—вотъ новое доказательство, что не всегда можно довѣрять сужденіямъ Парижанъ. Впрочемъ замѣчу мимоходомъ, что извѣстность обходится г-жѣ Ливри вѣроятно весьма дорого: нѣсколько рядовъ креселъ и галлерей заняты самыми усердными клакерами. Въ дивертисментѣ «Фаворитки» дебютировала италіанская танцовщица г-жа Питтери и имѣла неподдѣльный, вполне заслуженный успѣхъ. Чтобы однимъ словомъ дать вамъ вѣрное понятіе объ ней, скажу вамъ, что она копія, но весьма хорошая копія г-жи Феррарисъ. Изъ корифеекъ поразила меня своею красотою г-жа Шлоссеръ. По-случаю побѣды у Сольферино, въ этотъ вечеръ исполнена была новая кантата «Victoire», слова Мерп, музыка Рейе.

Несмотря на торжественность случая, кантата прошла незамѣтно. Это такая галиматья, что я удивился, какъ можно подобную вещь допустить въ *Большой парижской Оперѣ*. Это просто наборъ пустыхъ, безсвязныхъ словъ, подъ вполне соответствующую музыку. Зато по-случаю побѣды у Сольферино, въ день полученія извѣстія, Парижъ представлялъ волшебный видъ; наскоро импровизированная жителями иллюминація была великолѣпна, и веселья толпы народа тѣснились по бульварамъ до поздней ночи. Тутъ-то я видѣлъ парижскую жизнь въ полномъ разгарѣ и возвратился домой... съ нестерпимою головою болью. Но возвращаюсь къ оперѣ... Мнѣ удалось еще видѣть балетъ гг. Готье и Рейе: «Сақунталу». Содержаніе балета вамъ уже извѣстно,—оно было помѣщено въ №№ Вѣстника. Балетъ самъ-собою не представляетъ ничего особеннаго, содержаніе пустое, танцевъ немного, но главную роль исполняетъ знакомая вамъ волшебница Феррарисъ, совершенство хореографическаго искусства и, благодаря ей, балетъ постоянно пользуется громаднымъ успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ отношеніи танцевъ, Феррарисъ не имѣетъ соперницъ и парижская публика постоянно принимаетъ ее восторженно. Постановка балета богата, кордебалетъ исполняетъ свое дѣло, хотя и на-славу, но ни въ какомъ случаѣ не лучше нашего, притомъ корифейки слишкомъ заняты первыми рядами креселъ, улыбочки ихъ слишкомъ явственны, и часто увлекаютъ ихъ отъ дѣла; — впрочемъ, повторяю, тутъ главное лице

Феррарисъ, и впродолженіи всего вечера все вниманіе сосредоточено на ней. Передъ балетомъ давали два дѣйствія «Лучи». Роль Эдгарда исполнилъ Ренаръ, Лучи г-жа Гамекерсъ. Оба они хорошіе артисты, но въ этотъ вечеръ какъ-то не были въ своей тарелкѣ, въ особенности Ренаръ. Исполненіе «Лучи» было болѣе чѣмъ посредственное и знаменитый квартуоръ прошелъ даже очень плохо. И въ парижской Оперѣ не все золото. Въ антрактахъ я посѣтилъ театральное фойе и обошелъ всю сцену. О фойе говорилъ недавно въ своихъ антрактахъ сотрудникъ нашъ В. В. Петровъ. Тутъ собираются всѣ артисты участвующіе въ оперѣ, изъ постороннихъ допускаются только привилегированные: главнѣйшіе журналисты, извѣстные театралы (*habitués*); шумъ, говоръ, танцовщицы улыбаются своимъ знакомымъ, бесѣдуютъ съ ними и въ одно и то же время ни на минуту не перестаютъ упражнять свои ножки;—это весьма оригинально. Вообще въ фойе весьма весело, все кипитъ здѣсь необыкновенною жизнію. Сцена обширная и устроена прекрасно, уборныя пизанцы и удобны. Зато залъ Большой Оперы весьма, весьма незавиденъ и во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ нашему. Ложки узенькія, непомѣстительныя, жара нестерпимая и постоянно сопровождается сквознымъ вѣтромъ. За это удовольствіе приходится платить довольно дорого; нужно большое самоотверженіе, чтобы высидѣть до конца представленія. Посѣтилъ я тоже танцевальный классъ извѣстнаго хореографа Госселена. Изъ этого класса вышло много перво-степенныхъ танцовщицъ и извѣстныхъ артистки съѣзжаютъ сюда для упражненій изъ всей Европы. Госселенъ мастеръ своего дѣла. Я пробылъ въ классѣ два часа и любовался самыми труднѣйшими хореографическими эволюціями, которыя неутомимый учитель заставляетъ выдѣлывать своихъ ученицъ. Я встрѣтилъ здѣсь г-жу Катарину Фридбергъ, которая, по словамъ Госселена, дѣлаетъ большіе успѣхи. Тутъ же была танцовщица Легрепъ (любимица вѣнекой публики); она обладаетъ замѣчательною техникою, но у нея недостаетъ граціи и притомъ наружность не симпатичная. Тутъ я познакомился еще съ польскою танцовщицею Стефаньской, имѣвшей въ прошедшую зиму большой успѣхъ въ Неаполѣ и ангажированной теперь на весьма выгодныхъ условіяхъ въ Лисабонѣ. Стефаньская весьма мило-видная и искусная танцовщица. Затѣмъ я отправился въ театръ la Gaîté, чтобы посмотреть новую піесу г-на Арпо (нашего) «La veille de Marengo». Изъ заглавія вы видите, что это *pièce d'occasion*, по-случаю бывшей войны. Есть мѣста весьма остроумныя, но главное тутъ постановка, сраженіе, стрѣльба, пораженіе Австрійцевъ и пр. и пр. Все это совершается къ величайшему удовольствію блузинокъ, наполняющихъ верхнія галлерей театра и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдящихъ за ходомъ піесы. Въ продолженіе всего вечера они, чтобы лучше видѣть, держатся за столбы и съ примѣрною стойкостію смотрятъ піесу въ всякомъ положеніи. Актеры, принимавшіе участіе въ піесѣ, очень хороши вообще, но въ особенности меня восхитила оживленною и естественною игрою миловидная субретка, г-жа Адорси. Позволяю себѣ обратить на нее вниманіе нашей дирекціи: для михайловской сцены она была бы весьма полезное приобретеніе. Въ антрактахъ парижскіе театры рѣзко отличаются отъ нашихъ. Въ Оперѣ театральные коммисіонеры предлагаютъ громко либретто, разные журналы и небольшой журналъ L'entracte; въ другихъ театрахъ кромѣ того слышатся со всѣхъ сторонъ пискливые голоса женщинъ, предлагающихъ разные прохладительные напитки, фрукты, апельсинны и т. п.;

весь этот шумъ смѣшивается съ громкимъ говоромъ блюзниковъ и бѣдному иностранцу остается только бѣжать не оглядываясь. Въ антрактахъ все падѣваютъ на головы шляпы, — тоже довольно безцеремонно. Но недовольно ли на сегодня? Жара здѣсь тропическая, и утомился; — такъ до слѣдующаго письма.

М. РАППАПОРТЬ.

Всбаденъ 8/20 июля 1859 г.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Наши петербургскіе артисты въ Новочеркаскѣ. — Благотворительный спектакль и концерты въ Минскѣ. — П. Рубинштейнъ въ Одессѣ. — Парижскіе театры. — Фабръ д'Эглантинъ. — Охота въ Парижѣ. — Ресторанъ въ Брюсселѣ. — Вѣсти изъ Берлина. — Открытіе памятника Генделя въ г. Гаазе.

Читателямъ уже извѣстно, что многіе изъ нашихъ русскихъ артистовъ уѣхали въ отпускъ: одни за границу, какъ напр. сестры Сибтковы, А. Е. Мартыновъ, Бурдинъ, (*) другіе — въ наши провинціальныя города. Нашъ заслуженный артистъ П. И. Григорьевъ и г. Степановъ отъправились въ Новочеркаскъ.

Вотъ что пишутъ намъ изъ Новочеркаска объ игрѣ нашихъ петербургскихъ артистовъ:

Пріѣздъ ихъ въ этотъ городъ былъ истиннымъ подаркомъ для тамошнихъ жителей, потому что новочеркасская труппа, за исключеніемъ немногихъ ея членовъ, какъ гг. Липскій, Шухтъ, Дорошенко, весьма плоха и особенно въ лѣтнее время не могла привлекать публики. Зато, когда афиши извѣстили о пріѣздѣ петербургскихъ артистовъ, театръ наполнился доверху. Для перваго спектакля назначили драму «Владиміръ Заревскій» и водевилъ г. Григорьева «Жена какихъ много, мужъ какихъ мало». Обѣ пьесы были сыграны прекрасно и пріѣзжихъ гостей вызвали несчетное число разъ. Г. Степановъ въ роли Зареваго, говорить, былъ очень хорошъ.

Роль стараго князя Зареваго игралъ г. Григорьевъ; хотя эта роль второстепенная, но зато въ своемъ водевилѣ г. Григорьевъ привелъ всѣхъ въ восхищеніе своею натуральною, свободою игрою; кромѣ того онъ сыгралъ прекрасный романсъ на віолончели съ такимъ вкусомъ, что его вызвали шесть или семь разъ по окончаніи пьесы.

Гг. Григорьевъ и Степановъ играли въ слѣдующихъ пьесахъ своего репертуара: въ драмахъ — «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока», «Окно во второмъ этажѣ», «Сынъ любви», «Не въ свои сапоги садись», въ отрывкахъ изъ «Гамлета», въ комедіяхъ и водевиляхъ — «Предубѣжденіе», «Сиротка Сусанна», «Жена кавалериста», «Покойникъ мужъ», «Два отца и два куна», «Дочь русскаго актера», «Амшика», «Елена», «Москаль-чаривникъ» и мн. др.

Во всѣхъ сыгранныхъ роляхъ каждый изъ пріѣзжихъ артистовъ производилъ самое приятное впечатлѣніе на публику; всѣ сословія города перебивали въ театрѣ, любопытство каждаго было невольно возбуждено столичными гостями и надо отдать полную справедливость, что они съ каждымъ представленіемъ все болѣе старались приковать къ себѣ вниманіе нашей публики.

Г. Григорьевъ въ роляхъ Отрадина («Покойникъ мужъ»), полковника въ «Сусаннѣ», Москаля, Бенара въ водевилѣ

«Два отца и два куна», былъ чрезвычайно хорошъ и натураленъ. Живая, энергическая дикція, непринужденная веселость заставляли забывать длинноту или сухость иныхъ пьесъ, а многія виданныя нами прежде казались часто какъ бы повыми. Но гдѣ совершенно поразилъ насъ г. Григорьевъ, такъ это въ роли генерала Славомірскаго въ комедіи П. М. Львова «Предубѣжденіе». Мы твердо убѣждены, что трудно найти такое артистическое исполненіе роли стараго генерала, столько въ этомъ исполненіи натуры, правды, энергіи. Физіономія, голосъ, приемы, все такъ вѣрно схвачено съ натуры, что невольно производитъ впечатлѣніе на публику! Я убѣжденъ, что самъ авторъ комедіи не желалъ бы видѣть лучшаго генерала.

«Искренно благодаримъ почтеннаго артиста, который, захвативъ въ нашъ далекій край, доставилъ столько истиннаго удовольствія своимъ дарованіемъ.

Г. Степановъ между прочимъ исполнялъ роль Гамлета.

По нашему мнѣнію настоящее назначеніе г. Степанова — драма; онъ владѣетъ всѣми данными для драматическаго артиста и развѣ въ самой плохой, слабой изъ драмъ не можетъ создать роли; но въ роляхъ, какъ: Морницъ «въ Клэрѣ д'Обервиллѣ», Жоржъ «въ Жизни игрока», Ляпуновъ и т. д. г. Степановъ можетъ всегда произвести на зрителей полное впечатлѣніе.

Въ заключеніе скажемъ наше откровенное мнѣніе, которое впрочемъ не выдаемъ за непреложное. Драма есть настоящее назначеніе г. Степанова, но такія роли, какъ Альфонса «въ Сироткѣ Сусаннѣ», Данковского «въ Амшикѣ», по нашему мнѣнію, вовсе нейдутъ къ нему; артистъ, при всемъ стараніи, видимо не на своемъ мѣстѣ.

«Сынъ г. Григорьева также участвовалъ въ иныхъ пьесахъ и весьма удачно. Молодой человекъ очень приличенъ на сценѣ, говоритъ хорошо и одѣтъ всегда безукоризненно, а подъ руководствомъ опытнаго отца вѣроятно, практикуясь на сценѣ, пойдетъ впередъ».

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о минскомъ театрѣ. Съ окончаніемъ театральнаго сезона въ июнѣ данъ былъ, при содѣйствіи управляющаго театромъ, чиновника Мишкевича, спектакль съ благородной цѣлю. Изъ вырученныхъ, за исключеніемъ расходовъ, денегъ 100 р., по желанію жертвователей, половина обращена на украшеніе православной церкви на Переселенскихъ кладбищахъ въ Минскѣ, а другая часть на украшеніе латинскаго костела на кладбищахъ — Золотой горкѣ, такъ какъ на этихъ кладбищахъ похоронены драматическіе артисты, служившіе нѣкогда на минской сценѣ.

Спектакль, задуманный паскоромъ, въ два дня, и весьма разнообразный по составу, составляли 1) Ulicznik warszawsky, водевилъ на польскомъ языкѣ; 2) комедія на русскомъ языкѣ: «Разлука та же наука»; 3) русская пѣсня «Ахъ морозъ морозецъ»; исполнила д-на Дроздовская 1-я; 4) Соло венгерка; протапцовала д-ца Дроздовская 2-я; 5) «Бенгальскій тигръ», водевилъ, и въ заключеніе польскій танецъ въ костюмахъ въ 8-мъ парѣ; здѣсь особенно правились публикѣ Плонская и Дроздовская. При громкихъ рукоплесканіяхъ публика вызвала ихъ нѣсколько разъ. Всѣ пьесы были исполнены превосходно; кромѣ Плонской и Дроздовской были вызваны Новикова, Новиковъ, Базевичъ и Мондштейнъ. Минская труппа отъправилась на лѣтніе мѣсцы въ Бобруйскъ.

Изъ пріѣзжихъ артистовъ давали концерты Сеймуръ Шифъ и скрипачъ Людвигъ Парадиискій. Первый далъ три концерта, но не имѣлъ того успѣха, какъ въ бытность свою въ Минскѣ

(*) А. Е. Мартыновъ и г. Бурдинъ уже возвратились изъ отпуска.

въ 1852 г. и остался очень недоволенъ пріемомъ публики даже въ матеріальномъ отношеніи. Людвигъ Парадинскій еще молодой скрипачъ, которому слѣдовало бы еще много потрудиться, прежде чѣмъ выступать въ публичныхъ концертахъ. Изъ танцовщицъ являлись г-жа Царева изъ труппы бывшаго артиста варшавскаго балета, г. Мориса, и Испанка Альбина ди-Рона, не имѣвшая никакого успѣха на минской сценѣ.

Талантливый московскій пианистъ Н. Г. Рубинштейнъ пріѣхалъ въ Одессу и намѣренъ дать въ этомъ городѣ нѣсколько концертовъ.

Обратимся теперь къ заграничнымъ новостямъ.

По-случаю заключенія міра всѣ парижскіе театры были великолѣпно иллюминированы. Всѣ военныя піесы à propos отпразднованы въ архивѣ, теряя свой интересъ; особенно пострадалъ въ матеріальномъ отношеніи Маркъ Фурнье, директоръ театра Porte-Saint-Martin. Извѣстно, что онъ поставилъ очень недавно съ большими издержками военную драму: *La Voie sacrée ou les Etapes de la gloire*, о которой мы уже писали. Теперь, когда обстоятельства измѣнились, она теряетъ свое значеніе, тѣмъ болѣе, что въ ней плохо приходится Австрійцамъ; а вѣдь неловко, подавъ руку другу, кричать: «*A bas les Autrichiens!*»...

Пѣвица Лирическаго Театра г-жа Югальдъ отправилась въ Мадридъ, съ многими членами труппы этого театра, и намѣрена дать въ этомъ городѣ нѣсколько представлений.

Французскій Театръ возобновилъ старинную комедію Фабра д'Эглантина: *Le Philinte de Molière*. Піеса эта имѣла когда-то блистательный успѣхъ, но слава не дешево досталась ея автору, болѣе извѣстному по имени, чѣмъ по своимъ произведеніямъ и по своей трагической смерти. Фабръ д'Эглантинъ былъ въ одно время актеръ и писатель; двѣнадцать лѣтъ сряду онъ отличался на провинціальныхъ сценахъ и только въ 1787 г. пріѣхалъ въ Парижъ отдать на парижскіе театры свои піесы, написанныя въ провинціи. Но произведеніямъ его не посчастливилось въ Парижѣ; всѣ они упали, и только комедія: *Le Philinte de Molière, ou la suite du Misanthrope*, имѣла огромный успѣхъ. Въ этой піесѣ авторъ изложилъ всю горечь своихъ страданій и въ глубокой сатирѣ преслѣдовалъ своихъ соотечественниковъ, какъ бы предчувствуя свой страшный конецъ. Онъ погибъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ Дантономъ во время господства Робеспьера.

Комедія его, несмотря на тяжелые стихи и устарѣлый языкъ, имѣла успѣхъ, благодаря сильнымъ мыслямъ и прекраснымъ сценамъ; но ни зрители, ни сами актеры не оказали должнаго сочувствія этому старинному произведенію.

Неутомимый директоръ театра *Bouffes Parisiens*, Оффенбахъ поставилъ на сцену новую оперетку своего сочиненія съ игривой музыкой, съ цѣлымъ взводомъ звуковъ и хорошенькими актрисами въ костюмахъ маркизатокъ.

Въ Цркѣ производитъ фуроръ военная пантомима г. Арно: *La Guerre d'Italie*. Въ ней представлень вкратцѣ весь ходъ военныхъ событій; но при теперешнихъ обстоятельствахъ вѣроятно и эта пантомима исчезнетъ съ сценки ристалища.

Въ одно изъ представлений какой-то раздражительной драмы на театрѣ *Folies Dramatiques*, въ театральную залу ворвался заяцъ, преслѣдуемый стаей собакъ во всю длину бульваровъ. Этотъ неожиданный зритель, измученный, едва дыша, остановился у оркестра. Такъ какъ былъ антрактъ, то всѣ зрители въ партерѣ встали и бросились за бѣглецомъ. Заяцъ пустился снова бѣжать, перескакивая черезъ три или

четыре скамейки. Зала наполнилась охотническими криками; эта импровизированная охота окончилась только тогда, когда проворный звѣрѣкъ догадался ускользнуть въ ту же дверь, въ которую вбѣжалъ, и приотился въ углу корридора, гдѣ и былъ взятъ подъ стражу городскимъ сержантомъ за нарушение общественного порядка и спокойствія.

Ристори продолжаетъ давать свои представленія въ Брюсселѣ и являлась въ лучшихъ роляхъ своего репертуара: Меден, Юдифи и Маріи Стюартъ.

Молодая пианистка Роза Кастнеръ, долгое время проживавшая въ Брюсселѣ, прибыла въ Спа и даетъ тамъ концерты вмѣстѣ съ русскимъ скрипачемъ Безекирскимъ. Черитто находится также въ Спа.

Въ Берлинѣ политикъ, также какъ и всюду, играетъ не послѣднюю роль. Нѣкто г. Гонфъ написалъ патристическую піесу подъ названіемъ *Vater Blucher*, которая и будетъ представлена на Фридрихъ-Вильгельмштадтскомъ Театрѣ.

Другой нѣмецкій писатель Дингельштедтъ обработалъ для сцены Шекспирову *Wintermärchen*; музыку къ ней пишетъ Флотовъ. Піеса эта будетъ представлена осенью въ Веймарѣ.

Мы уже писали о сооруженіи памятника Гейделю въ университетскомъ городѣ Галле, въ которомъ этотъ знаменитый композиторъ родился 24-го февраля 1684 г. и прожилъ первую четверть своей жизни; теперь скажемъ нѣсколько словъ о его открытіи. — Для сооруженія этого памятника пожертвовано королемъ Прусскимъ 100 фридрихсдоровъ, королевой Викторіей и ея супругомъ 70 ф. стерлинговъ; всѣ города Германскаго Союза также внесли свою часть пожертвованія. Въ самомъ же городѣ Галле исполнена ораторія Гейделя «Мессія»; соло пѣла Женин Линдъ и сборъ также назначенъ для памятника. Такимъ образомъ составилась значительная сумма и члены комитета поручили берлинскому скульптору Гейделю устроить этотъ памятникъ.

Открытие памятника послѣдовало 1-го іюля 1859 г. въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ семь часовъ утра пропѣтъ хоралъ «*Lobe den Herrn*» и затѣмъ студенты галльскіе, въ праздничныхъ платьяхъ, съ развѣвающимися знаменами, отправились процессіей отъ самаго университета и окружили памятникъ; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько музыкальныхъ обществъ (*Liedertafel*) также съ знаменами. Затѣмъ явились члены комитета, художники, градскія власти, профессора университета, директоры и учителя школъ, и наконецъ работники, участвовавшіе въ устройствѣ памятника, и расположились вокругъ памятника. Тогда съ балкона ратуши раздался хоръ изъ «Гуды Маккавей», послѣ котораго бургомистръ города Галле сказалъ торжественную рѣчь. По окончаніи ея, при звукахъ музыки упала покрывка статуи и при блестящихъ лучахъ солнца глазамъ присутствовавшихъ явилось изображеніе великаго композитора, привѣтствуемое громкими кликами. Въ 11 часовъ исполнена ораторія «Симеонъ» въ главной церкви; соло пѣли г-жи Юганна Вагнеръ и Костеръ и пѣвцы Тихачекъ и Саббатъ. Церковь была наполнена допелъзья; между присутствующими находились Анстъ, Моншелесъ Энгель и др. — Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминированъ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ мы представимъ біографическій очеркъ этого знаменитаго композитора.

«Мониторъ» сообщаетъ о несчастіи, постигшемъ 27 (15 іюля) г. Роже, извѣстнаго тенора Французской Оперы.

Въ этотъ день утромъ онъ охотился въ паркѣ своего замка

городнаго дома и хотѣлъ перелазить черезъ заборъ. Приставивъ къ забору свое заряженное ружье, онъ взялъ его правой рукой за конецъ дула; при этомъ движеніи, ружье выстрѣлило и зарядъ съ пулею раздробилъ нижнюю часть руки. Два доктора, призванные тотчасъ же, нашли необходимымъ сдѣлать ампутацію, которая и была окончена въ три часа дня. Роже перенесъ эту ужасную операцію съ необыкновеннымъ мужествомъ и покорностью.

Состояніе больнаго удовлетворительно, сколько то возможно.

«La Revue et Gasette des Théâtres» также извѣщаетъ объ этомъ происшествіи, прибавляя, что, по странной случайности, Роже отказался въ тотъ день пѣть въ *Гугенотахъ*; чтобы поберечь себя для роли Ферпанда въ *Фавориткѣ*, даваемой для послѣдняго дебюта г-жа Борги-Мамо, и посвятилъ этотъ свободный день несчастной поѣздкѣ въ свой загородный домъ, гдѣ и приключилось прискорбное событіе съ любимымъ артистомъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«УЧЕНЬЕ—СВѢТЪ, НЕУЧЕНЬЕ—ТЬМА», СЦЕНЫ г. В. ОСИПОВА. (Отеч. Зап. за июль.) Сватовство Ченскаго или МАТЕРИАЛИЗМЪ И ИДЕАЛИЗМЪ. «Уголовное дѣло,» КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сцены г. Осипова: «Ученье—свѣтъ, неученье—тьма,» не имѣютъ претензій на серьезную комедію, но въ этомъ маленькомъ произведеніи много вкуса, наблюдательности и живости; поэтому оно заслуживаетъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что очень удобно для театра и, вѣроятно, когда-нибудь будетъ поставлено на сцену. Содержаніе таково:

Московскій купецъ Агаѣонъ Пантеленчъ Сермягинъ и жена его Агаѣя Пантелеевна имѣютъ сына молодыхъ лѣтъ, Ивана Агаѣонича. Отецъ и мать, а въ особенности отецъ, крѣпко придерживаются старины и держутъ взрослого молодого парня въ большой строгости, такъ что онъ не смѣетъ отлучаться изъ дому иначе, какъ только по дѣламъ, не смѣетъ одѣваться въ нѣмецкое платье и смазные сапоги, которые, по мнѣнію старика, приличны только почетному гражданину, и состоятъ подъ строгой опекой отца по денежной части. — «Все, что я во всю жизнь мою скопилъ, говоритъ отецъ сыну, все тутъ въ этомъ сундукѣ. Сундукъ этотъ... ну тоже фабрики, лавки, домъ, все это твое,—все это послѣ моей смерти тебѣ достанется. Кажись, тутъ есть чѣмъ отца помянуть? а?... помни объ отцѣ. Да смотри: ни въ чемъ не отступай отъ старины! не потряси костей моихъ въ могилѣ!»

Получивши отъ сына обѣщаніе исполнять это наставленіе, суровый отецъ приласкалъ его и позволилъ ему, въ видѣ милости, молодую пѣгую запрячь въ новую телегу, чтобы съѣздить на фабрику. Ѣздить въ какомъ-либо другомъ экипажѣ—старикъ считаетъ безнравственнымъ; но сынъ, оставшись одинъ, разсуждаетъ совершенно иначе: «Ну, ужъ я на пѣгой въ телегѣ не поѣду,—мы въ пролеткѣ прокатимъ! Слава Богу, вырвался изъ дому! Дома тоска, да и только... Домовой давить... Онъ у насъ любитъ самое старинное, а я самое нынѣшнее. Вырвался изъ дому — теперь валай! Сперва въ трактиръ, потомъ на фабрику, а тамъ и къ Акулиинѣ Степановнѣ...»

Акулина Степановна — это жена учителя танцованія Козырева, у котораго молодой Сермягинъ учится танцевать,

не по урокамъ, а похристіански, какъ выражается Акулина Степановна: на выучку за пятьсотъ рублей. Эта почтенная дама вообще любитъ прибрать, что плохо лежитъ; на этомъ основаны и отношенія ея къ Сермягину. Первая сцена происходитъ въ квартирѣ Козырева, гдѣ Сермягинъ выдѣлываетъ па, а во время урока угощается пунштикомъ.

Сермягинъ боится, чтобы *татинька* не узналъ о томъ, что онъ учится танцамъ; по Акулина Степановна успокоиваетъ его и обольщаетъ слѣдующимъ разсказомъ: «...Приходитъ къ намъ, вотъ такъ же, какъ ты... хуже тебя: со всѣмъ неотесанный! Мы его учить, а онъ кричать: ой боюсь! ой боюсь! татиньки съ маменькой боюсь! Я, вида, что онъ, по глупости, отъ своего же счастья отбивается, говорю Ивану Кузьмичу (мужу): учи его, учи! не смотри на него! учи! И выучилъ его Иванъ Кузьмичъ всѣмъ и танцамъ и фигурамъ, а я ему всю практику на-счетъ жепскаго пола преподавала: какъ и амуры вести, и въ любви открытіе сдѣлать, и какъ когда какой комплиментъ сказать. И возмѣлъ онъ къ танцамъ большое пристрастіе; въ собраніяхъ, на вечерникахъ—ездѣ первый, вотъ такъ и носится, такъ и носится!.. Отецъ его ужъ изъ дому выгналъ. Только случись ему танцовать разъ, въ одномъ домѣ, съ купеческой дочерью,—сиротой, миліонщицей; она ему амуры, а онъ ей свои, она ему комплиментъ, а онъ ей свой... Ловкой былъ кавалеръ! подмигнулъ музыкантамъ, музыка прогрянула... въ одинъ вечеръ обдѣлалъ статью: женился! Такъ отецъ-то, какъ узналъ объ этомъ, пришелъ къ нему со слезами на глазахъ, да и говоритъ: «Прости меня, сынъ мой возлюбленный, что я по слѣпотѣ своего разума, гоненіе на тебя воздвигалъ. Я и дѣдъ твой сто лѣтъ торговали мы, но во всю жизнь нашу такого оборота въ торговлѣ сдѣлать не могли, какой ты сдѣлалъ въ танцѣ. Скажи, кто училъ тебя?» Вотъ онъ и говоритъ: танцамъ выучилъ Иванъ Кузьмичъ, практику преподавала Акулина Степановна. «Поѣдемъ, сынъ» говоритъ старикъ: «я хочу ихъ видѣть и благодарить.»

Цельзя было не увлечься такой приманкой и Сермягинъ рѣшился, для всѣхъ расходовъ, необходимыхъ для его *образованія*, какъ-то: на нѣмецкое платье, которое заказано было Акулиной Степановной и хранилось у ней, на платежъ за обученіе и проч., спустить съ фабрики товаръ за полиціи, разумѣется, тихонько отъ отца.

Въ третьей сценѣ, когда уже Сермягинъ выучился танцамъ, является онъ къ Акулиинѣ Степановнѣ съ полнымъ бумажникомъ денегъ. Она представляетъ ему любопытный счетъ: «Вина всего на всего въ двѣ пѣдѣли набралъ только на 90 р. 87 коп. Вѣдь у меня не то, что въ трактирѣ: я вино гостямъ безъ всякихъ выгодъ подаю,—изъ одного удовольствія. За костюмъ, — это ты ужъ самъ рядился, 175 р. За ботишки плющевые 10 р. 50 к., за кадрили, вальсъ и мазурку, за все 500 р. Признаться, мы тебѣ на тапцахъ большую уступку сдѣлали. Полькѣ будешь учиться, или нѣтъ?» Какъ же! буду, буду... говоритъ Сермягинъ. «Ну что съ тебя за польку положить? Давай 75. Съ другихъ меньше ста не беремъ. А всего на всего, за все образованіе 941 р. 37. к. Ты спроси, господа за образованіе своихъ дѣтей десятками тысячъ платятъ.»

Для того, чтобы окончательно превратиться въ джентльмена, Сермягинъ желаетъ отдѣлаться отъ начинающей расти бороды, и въ этомъ помогаетъ Акулина Семеновна. «Я твоему горю пособлю, говоритъ она: бороду твою мы вытравимъ;—на Маросѣйскѣ такой составъ продается. Секретъ очень

хорошій: отъ него волосы съ любого мѣста выльзаютъ и впредь не растутъ.»

Сермягинъ обрадовался и придумалъ даже отвѣтъ отцу, если тотъ спроситъ: отчего борода не растетъ? «Скажу я: моль тятенька въ этомъ не причастна: такъ мать родила!»

Вообще Сермягинъ очень доволенъ наукой; «всѣмъ тѣломъ сталъ развязку дѣлать, признается онъ, смѣлость, не знаю, откудова взялась, и понятіе просвѣтило.»

Акулина Семеновна, въ заключеніе своихъ стараній, помадитъ, умываетъ притираньемъ, завиваетъ Сермягина, прикрываетъ ему искусно маковку, которая прострижена «по обрядскому» и дѣлаетъ генеральную репетицію для упражненія Сермягина въ танцахъ съ дѣвицей. «Мало тебѣ одной, двѣ дѣвицы будутъ и обѣ благородныя. Коли хочешь, офицера вольнопрактикующаго позовемъ, артиста изъ театра, балъ такой зададимъ, что чудо!»

Сермягинъ переодѣвается въ костюмъ, т. е. во фракъ, а между тѣмъ и пришла дѣвица Марья Сергѣевна. «Образованнѣй?» спрашиваетъ она о Сермягинѣ. «Да ужъ почти совсѣмъ образованный, только кой-какія свѣтскія приличія надобно ему еще показать; съ дѣвицами мало обращался, такъ, ты понимаешь? льготы ему побольше давай!» говоритъ Акулина Степановна.

Наставленія давать побольше льготы не пропали даромъ: Сермягину поправилась Марья Сергѣевна. Явилось шампанское, начались танцы, въ продолженіи которыхъ Сермягинъ получилъ наставленіе—какъ раскланиваться, просить на танцы, какъ брать за талію, наконецъ какія манеры принимать и какой вести разговоръ. Далѣе, дѣло доходитъ до поцѣлуевъ, до объясненій... Но Акулина Степановна бонется, какъ бы Марья Сергѣевна не выманитъ у Сермягина деньги, а потому она придумала донять его «хорошенько картами.» Она посылаетъ мужа за Вавилой Семенычемъ, поручая сказать ему: «дѣло моль самое интересное: купеческій сынъ гуляетъ.» А такъ какъ Вавило Семенычъ всегда при такихъ случаяхъ спрашиваетъ: «каковъ человѣкъ, на коробъ пойдетъ-ли?», то она велѣла объяснить, что «можно обойтись и безъ этой механики, что и пить сталъ, и влюбился, и образовался, въ такомъ часу, что не токмо въ коробъ, въ настушку полѣзетъ.»

До прихода Вавилы Семеныча является отецъ Сермягина, когда сынъ, въ пылу фантазій, вслухъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ жить поновому. Тѣмъ оканчивается пѣса.

При бѣдности нашей сценической литературы, сцены г. Осипова могутъ имѣть въ ней не послѣднее мѣсто. Комизмъ, тишиность, содержаніе, вѣрное дѣйствительности и заключающее въ себѣ мысль, бойкій разговорный языкъ, даютъ право пѣсѣ г. Осипова быть причисленной къ разряду произведеній художественныхъ.

(Продолженіе въпредъ).

Воспоминанія музыканта

Адольфа Адама.

Биографическія записки.

(Продолженіе.)

Поступленіе мое въ оркестръ Гимназій—было важнымъ событіемъ моей жизни. Я подружился съ авторами и актерами,—однимъ словомъ, съ того времени началась моя музыкальная карьера. По смерти Душона я занялъ его мѣсто литаврищика и дирижера хорами, съ жалованіемъ по 600 фр. въ годъ, и бросилъ давать уроки по 30 су за часъ.

Боельдье не слишкомъ мнѣ довѣрялъ и предпочиталъ Ла-барра. Лабарръ пренебрегъ композиціей для арфы, на которой игралъ превосходно и получалъ отъ нея 20 т. фр. въ годъ. Съ именемъ моего отца я могъ бы вырабатывать столько же уроками на фортепиано, но однако удержался отъ искушенія.

Я получилъ двѣ награды на конкурсѣ Института: въ первый разъ—только похвальный листъ, а въ другой—третій призъ; первый призъ получилъ Барbero, а второй Пари. Боельдье пришелъ въ отчаяніе отъ моего *успѣха*, не позволилъ мнѣ болѣе являться на конкурсѣ и былъ правъ. Десять лѣтъ спустя, Барbero управлялъ оркестромъ во Французскомъ Театрѣ, Пари оркестромъ Пантеона, а я уже отдалъ на сцену болѣе десяти своихъ оперъ.

Чтобъ достигъ своей цѣли, я придумалъ познакомиться съ нѣкоторыми авторами и предложилъ имъ даромъ писать музыку на водевильные куплеты, которые они продавали очень дорого капельмейстерамъ, для которыхъ работали. Таковы были мои первые успѣхи на сценахъ Водевилья и Гимназій: мнѣ приходилось вести сильную борьбу съ капельмейстерами этихъ театровъ. Блашаръ (нынче музыкальный критикъ), бывший тогда капельмейстеромъ театра Variétés, успѣлъ совершенно вытѣснить меня изъ своего театра. Но въ Гимназій, музыка въ водевиляхъ: «Vaisier au porteur», «Val champêtre», «la Haine d'une femme», и на сценѣ Водевилья въ опереткахъ: «Monsieur Botte», «le Hussard de Felsheim», «Guillaume Tell», доставила мнѣ дружбу и сотрудничество авторовъ вышеприведенныхъ пѣсень.

Послѣ моего конкурса въ институтѣ я отиравился въ Голландію, Германию и Швейцарію, съ однимъ изъ моихъ друзей, докторомъ Гилье, оригинальнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ, изъ людей. Въ Швейцаріи я встрѣтилъ Скриба; онъ предложилъ мнѣ написать музыку къ одному изъ его водевилей для Гимназій: я съ радостью принялъ предложеніе. Моими пѣвицами были Леонтина Фе (Вольпинсъ) и Дежазе, пѣвцами—Гонтье, Поль Леграпъ и Фервиль. Музыка имѣла большой успѣхъ, несмотря на исполненіе, и нѣкоторыя аріи сдѣлались популярными. Боельдье присутствовалъ на генеральной репетиціи и очень удивился, что я могъ написать такую музыку. Скрибъ прислалъ за мной для расилаты, какъ онъ это всегда дѣлалъ съ капельмейстерами. Я съ гордостью отвѣчалъ, что не желаю другой платы, какъ его сотрудничество, и онъ поклялся написать либретто для моей первой оперы, по не очень скоро сдержалъ свое слово. По просьбѣ Кронье и несмотря на сопротивленія своего сотрудника Мельвиля, Скрибъ наконецъ написалъ для меня либретто оперы «Швейцарская хижина» (le Chalet), между тѣмъ какъ я до того успѣлъ уже написать нѣсколько другихъ оперъ; «Chalet» имѣла большой успѣхъ, первый въ моей музыкальной карьерѣ. При этомъ мнѣ еще было назначено условіе, что я получу третью часть сбора, вмѣсто половины, какъ это всегда слѣдуетъ композитору.

Нѣсколько лѣтъ сряду я продолжалъ блуждать по мелкимъ театрамъ, между прочимъ отдалъ на театръ Nouveautés оперы: «Валентину», «Кабеля» и др. Наконецъ Сень-Жоржъ предложилъ мнѣ одноактную поему: «Петръ и Екатерина.» Это былъ серьезный сюжетъ съ хорами и многочисленными аріями. До-сихъ-поръ я былъ извѣстенъ только своими пѣсенками и очень обрадовался случаю показать себя въ другомъ родѣ. Въ пѣсѣ было только четыре дѣйствующихъ лица: Петръ Великій, Екатерина, солдатъ и поставщикъ. Роли я назна-

чилъ Лемоннье, г-жѣ Прадерь, Фереоло и Визентини. Три актера отъ нихъ отказались: Лемоннье и г-жа Прадерь, потому что разучивали «Невъсту» Обера, а Визентини, чтобъ не отстать отъ своихъ товарищѣй; одинъ Фереоль удержалъ свою роль, потому что она была серьезная, а комики любятъ всегда противоположности. Для главныхъ ролей мнѣ дали Даморо и m-лс ***, находившуюся тогда въ интересномъ положеніи, но замѣнить Визентини все таки было некому. Въ консерваторіи я былъ друженъ съ Гапри; онъ занималъ басовыя партіи: это была первая комическая роль, за которую взялся тотъ, который, десять лѣтъ спустя, создалъ роль *Бижу* въ «Почталонѣ». Это второе раздѣленіе ролей припело мнѣ счастье. Правда, что послѣ шестаго представленія m-лс *** разрѣшилась отъ бремени, но ее замѣнила Элеопора Колопъ и опера выдержала больше 80 представленій.

Я воспользовался успѣхомъ «Невъсты» Обера: обѣ оперы шли дружно вмѣстѣ и я съ моимъ почтеннымъ собратомъ были послѣдними композиторами, произведенія которыхъ давались въ старинной залѣ Фейдо; послѣдній спектакль въ этой залѣ, уничтоженной на другой день ударами молотка, состоялъ изъ «Невъсты» и «Петра и Екатерины» (мартъ 1829 года).

Я продалъ мою оперу «la Batetière de Brienz» музыкальному издателю Шлезингеру за 500 фр. Плейель предложилъ мнѣ 3000 фр. за «Петра и Екатерину». Любовная интрига, угрожающая мнѣ женитьбой, заставила меня оставить отцовскій домъ, и 3000 фр. Плейеля оказались мнѣ огромной суммой. Однако я былъ на столько разсудителенъ, что сберегъ изъ нея необходимую сумму для покупки фортепіано и съ-тѣхъ-поръ могъ сочинять на собственномъ инструментѣ, чего прежде мнѣ не случалось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ представленія «Петра и Екатерины», одинъ извѣстный авторъ Вιάль предложилъ мнѣ трехъактное либретто, написанное имъ въ сотрудничествѣ съ Полемъ Дюпоромъ. Это былъ опять русскій сюжетъ и назывался «Данилова». Либретто не было лишено интереса и я тотчасъ же принялся за работу; но представленіе «Даниловой» отложено было на цѣлый годъ и я между тѣмъ написалъ нѣсколько оперъ для театра *Nouveautés*. Но директоръ Комической Оперы жестоко преслѣдовалъ водевильные театры, на которыхъ появились новыя оперы. Это нехлѣбное желаніе—не допускать другіе театры къ формированію композиторовъ и пѣвцовъ, сдѣлало много вреда музыкальному искусству. Державъ, Брендо, Брессанъ были бы отличными тенорами, еслибъ вначалѣ ихъ драматической карьеры имъ позволили пѣть что-нибудь кромѣ водевильныхъ куплетовъ. На другой день послѣ представленія одной пьесы на театрѣ *Nouveautés*, къ которой я написалъ музыку, директоръ Комической Оперы Дюссенъ послалъ предписаніе, чтобъ не играли произведеній съ новой музыкой. Театромъ *Nouveautés* въ то время управляли Богенъ и Несторъ Рокелланъ, издатели газеты *Фигаро*. На сценѣ Комической Оперы появилось новое произведеніе Карафы; Богенъ и Рокелланъ отвѣчали на требованіе Дюссенса оппозиціей, по которой запрещали ему представлять оперу Карафы, подъ предлогомъ, что всѣ аріи въ ней были старыя, мотивы извѣстные и что Дюссенъ присвоивалъ себѣ права водевильныхъ театровъ. Они напечатали свое обвиненіе

въ *Фигаро*; эта шутка имѣла огромный успѣхъ, публика взяла сторону Богена и Рокеллана и процессъ не состоялся.

«Данилова» была представлена въ первыхъ мѣсяцахъ 1830 года. Главныя роли занимали: г-жи Казимиръ, Прадерь, Лемоннье и гг. Лемоннье и Моро-Сенти. Успѣхъ былъ большой; особенно поправилась моя арія: *Sous le beau ciel de la Provence* и проч. Къ несчастію июльская революція прекратила наши представленія.

Я написалъ въ сотрудничествѣ съ Жидомъ музыку къ англійской пантомимѣ: «Бѣлая кошка», для театра *Nouveautés*; правительство хотѣло запретить представленія этой пантомимы, но директоры успѣли выхлопотать позволеніе Карла X представить нѣкоторыя сцены въ Сенъ-Клу передъ молодыми принцами, которые пришли въ восторгъ отъ славныхъ пинковъ, которыми щедро подчивали другъ-друга клоуны и арлекинъ, и запрещеніе было снято; пьеса выдержала болѣе ста представленій.

Революціи всегда пагубны для театровъ; особенно Комическая Опера испытала это вліяніе. Дюссенъ раззорился, а за нимъ и многіе другіе директоры. Ваптадурская зала совершенно опустѣла, театр *Nouveautés* также; актеры Комической Оперы сложились и напали для представленій залу биржи. Въ 1832 г. началась холера. Первый человѣкъ, пораженный холерой внезапно на улицѣ, былъ переодѣтъ полициею; въ этомъ костюмѣ его поѣхали въ госпиталь, но онъ умеръ дорогой.

Я женился на сестрѣ Лапорта, директора Ковентгарденскаго Театра въ Лондонѣ. Мой шуринокъ предложилъ намъ переѣхать къ нему; я съ радостью принялъ предложеніе. Въ то время дѣла Лапорта находились въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Онъ былъ директоромъ перваго лондонскаго театра, также директоромъ (вмѣстѣ съ Клу и Пелисье) Французскаго Театра и лучшимъ его актеромъ. Приѣхавъ въ Лондонъ, я ни слова не зналъ по-англійски и съ трудомъ выучился этому языку: читать я могъ еще порядочно, но съ трудомъ понималъ англійскіе разговоры.

Мазонъ, директоръ Театра Королевы, ангажировалъ Нурри, Левассера, Даморо и г-жу Даморо, для представленія на французскомъ языкѣ «Роберта», бывшаго тогда еще большою новостью. Мейерберъ пріѣзжалъ на репетиціи и былъ въ восторгѣ отъ оркестра.—«Прекрасно, сказалъ онъ; если еще назначить семь или восемь репетицій для выполненія всѣхъ должныхъ оттѣнковъ, дѣло пойдетъ на-славу.»

Но скоро онъ узналъ, что оттѣнки совершенно незнакомы оркестру Театра Королевы, лучшему однако въ Лондонѣ, и что намѣревались ограничиться одной репетиціей; Мейерберъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ изъ Лондона, не ожидая главнаго представленія. Опера имѣла посредственный успѣхъ. Нурри, пѣвшій всегда въ пось, рѣшительно не поправился: Англичане вообразили, что гробовой органъ, который принималъ Левассеръ въ роли Бертрама, былъ его природный голосъ и не поняли достоинствъ этого артиста. Г-жу Даморо обвинили въ совершенномъ отсутствіи голоса. Имѣли успѣхъ только ея мужъ въ роли Рембо и m-лс Гейнефеттеръ въ роли Алисы.

(Продолженіе впереди.)